

(1)В дачку Туркиных я влюбился сразу. (2)Я в жизни не видел столько пернатой мелочи. (3)Воробьи, синички, зяблики, малиновки, скворцы — этих птиц не пересчитать, носились стаями. (4)Там жил и такой закоренелый индивидуалист, как дятел. (5)Утром откроешь окошко, рано — ещё туман не осел на землю, а он уж за работой: трясёт сухую ольшанину за дровяным сараем, только розовая труха летит. (6)А дрозды-рябинники, любители сырого густолесья? (7)Разве они вьют гнёзда чуть ли не на песке — на пружинистой лозе пахучего жасмина? (8)А у Туркиных вили. (9)Поначалу я думал: причиной тому лес, который на задах подступает к самому забору, но Вовка, ласковый шестилетний мальчуган с крутым завитком льняных волос спереди, забраковал моё объяснение. — (10)Не, — замотал он головой. — (11)У нас бабушка — колдунья. (12)Она их приманивает. — (13)Ай-яй-яй, Владимир! — Олёна Даниловна как раз в это время спускалась с крылечка. — (14)И не стыдно тебе понапраслину на бабушку возводить. (15)Наслушался всяких глупостей от соседей, вот и повторяешь, а разве не знаешь, чем твоя бабушка божью тварь к себе завлекает? (16)Олёна Даниловна, высокая тучная старуха с чёрными весёлыми глазами, в чистейшем белом платке, повязанном по-деревенски, концами наперёд, повела меня по усадьбе. (17)Черепки с подсолнечником, с гречей, с пшеном, с льняным семенем, баночки с водой, тарелочки — под каждым кустом. — (18)Вот ведь каким колдовством твоя бабушка птичек приманивает, — мягко выговаривала Олёна Даниловна своему внуку. — (19)Тем, которым в магазинах торгуют... (20)Потом, сидя на скамейке напротив дома, Олёна Даниловна стала рассказывать, как она ещё смолоду, живя послушницей в монастыре, полюбила птах и всякую живность. — (21)Строго было в монастыре, молодых нету, одни старухи монахини, а мне тринадцать лет. (22)Работой меня не томили. (23)Я при матери-казначейше состояла, ей засыпать помогала. (24)Работающая старуха была, а сон туго давался — часами ворочается, бывало. (25)И вот позовёт меня: «Олёнушка, почитай-ко, пощечки на ухо». (26)Ну, я и почитаю. (27)Много всяких стишков знала. (28)И Пушкина, и Некрасова, и Кольцова. (29)Смотришь, у меня мать-казначейша и захрапела. (30)А на меня кто сон нагонит? (31)И вот только тем и спасалась, что выбегу в сад да с птичками поговорю. — (32)Бабушка у нас доктор Айболит, — восторженно сказал Вовка. — (33)Да уж, бессловесная тварь на меня не пообидится, — не без гордости сказала Олёна Даниловна. — (34)Грача — лапка была сломана — выходила, больше месяца костылик носил. (35)Скворушек, тех за свою жизнь без счёта спасала, может, десятка два или три, журку — хромой был — тоже на ноги поставила... — (36)А зверюшек-то, бабушка, забыла? — напомнил Вовка. — (37)Ну, про тех что и говорить. (38)Тех и вспоминать не вспомнить. (39)У меня дома всегда свой зоопарк был. (40)Да и здесь не одни с Владимиром живём... (41)Тут Вовка, не дожидаясь, пока закончит бабушка, нетерпеливо потянул меня к колодцу в кустах смородины — там жила Василиса Прекрасная, большая пучеглазая лягушка с забинтованной задней лапкой. — (42)Это на неё ворона напала, когда она через дорогу переходила, — объяснил Вовка. — (43)Мы как раз с бабушкой из магазина шли... (44)Потом Вовка показал мне черепаху по имени Марья-торопыга, которая грелась на тёплом песочке под окошком, потом минут десять мы ползали по колючему малиннику у дровяного сарая в надежде, что наткнёмся на Ежа Ежовича, и, наконец, вечером, за ужином, Вовка познакомил меня с Борькой-бурундуком, который выскочил к нам на веранду на стук грецких орехов. (45)Я прожил на даче у Туркиных четыре дня и за это время каких только рассказов и историй не наслушался от Олёны Даниловны и её внука Вовки!

(По Ф. А. Абрамову*)

* Абрамов Фёдор Александрович (1920-1983) — русский советский писатель, публицист.